

Политические права и свободы: проблемы определенности содержания*

М. В. Пресняков

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина,
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Московская, 164

Для цитирования: Пресняков, Михаил В. 2022. «Политические права и свободы: проблемы определенности содержания». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 547–564. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.216>

Широко используемый сегодня концепт «политические права» человека и гражданина далек от определенности как с точки зрения конкретных прав, которые обычно принято включать в его содержание, так и с позиции конкретных правомочий, которые составляли бы содержание данных прав. В статье анализируются собственно политические права, которые автор находит необходимым разграничивать с правами человека в социально-политической сфере. К последним можно отнести свободу собраний, право петиций, свободу слова, право на объединение и т. п. Значительное внимание уделяется содержательным характеристикам политических прав: так, автор приходит к выводу, что, хотя «участие в делах государства» и названо в Конституции РФ в качестве права, вряд ли оно может претендовать на роль действительного и действующего субъективного публичного права. Анализируются трансформации классических политических прав, обеспечивающих участие граждан во власти в современном политико-правовом дискурсе. Рассматриваются проблемные аспекты концепции народного представительства и учредительной власти. Автор приходит к выводу, что даже при наличии самых адекватных и аутентичных механизмов реализации права на народное представительство такая власть никогда не принадлежит народу в полной мере. Обосновывается, что естественным политическим правом является право на восстание (право на сопротивление, право на революцию). Естественное политическое право народа на восстание приобретает характеристику именно права, а не голой политической возможности только при наличии институтов легитимации и последующей легализации, в результате чего данное право на современном этапе правильнее называть правом на легитимный правопорядок.

Ключевые слова: политические права, перечень прав, определенность содержания, участие во власти, право на сопротивление, легитимация власти.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 19-011-00418 «Конституционный принцип правовой определенности в механизме реализации прав и свобод человека».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Ваш кандидат — а в прошлом он лабазник —
Вам иногда устраивает праздник.
И не безлики вы, и вы — не тени,
Коль надо бросить в урны бюллетени!

(Высоцкий 1973)

1. Введение: проблема определенности каталога политических прав и свобод

Слова В. С. Высоцкого, поставленные эпиграфом к статье, не должны вводить в заблуждение: менее всего предлагаемая статья напоминает политический памфлет, написанный на злобу дня. Здесь не будет рассуждений о «политическом моменте», «евромайдане» и «цветных революциях». Политическими практиками, по нашему убеждению, должна заниматься не юриспруденция, а совсем другая наука. Мы же рассмотрим именно юридическую проблему, которая касается сущности и содержания политических прав, их отличия от возможности «в урны бросить бюллетени», конституционных характеристик данных прав в качестве естественных и неотъемлемых.

В юридической науке общепринято (с известными вариациями) подразделять права и свободы человека и гражданина в зависимости от сферы их осуществления на личные, политические, экономические, социальные и культурные. Конечно, любая таксономия в той или иной степени условна, например, некоторые ученые вместо социальных и экономических выделяют единую группу социально-экономических прав, другие относят культурные права к социальным и т. п. Однако даже с учетом этой условности категория политических прав обращает на себя внимание в плане эклектичности каталога конкретных прав и свобод, которые включаются в данную группу.

Кроме того, многие авторы считают слова «права» и «свободы» равнозначными. По мнению Н. В. Витрука, права и свободы — однопорядковые явления, и в большинстве своем авторы рассматривают их «как тождественные (свобода слова есть право на свободу слова и т. п.)» (Витрук 2008, 234). Отмечается, что категория свободы, в отличие от субъективного права, разработана в науке довольно слабо. Большинство исследователей обходят проблему свободы стороной, ограничиваясь (как, кстати, и законодатель) простым перечислением самих терминов «права» и «свободы» (Терехин, Вершинин 2010).

Вместе с тем, по нашему мнению, конституционный текст свидетельствует о неслучайном характере выделения свобод среди всей совокупности прав человека и гражданина. Действительно, «свободы» — это всегда естественные права, т. е. не предоставленные гражданам государством, а вытекающие из самой природы человека. Отношения по реализации данных прав не носят предоставительно-обязывающего характера в том смысле, что не требуют от государства (или кого-либо) встречных действий. Жить, свободно выражать свои мысли, трудиться человек может даже на необитаемом острове. Главная обязанность всех иных лиц в таких отношениях — не мешать. В связи с этим характеристика политических прав именно в качестве «свобод» также вызывает значительные затруднения.

Как правило, в специальной юридической литературе к политическим правам человека и гражданина относят весьма обширный перечень прав и свобод: не только право избирать и быть избранным, но и свободу собраний, право петиций, свободу слова, право на объединение и т. п. Зачастую одни и те же права относят как к политическим, так и к личным. Например, в учебнике конституционного права А. В. Безрукова право на объединение включено в каталог политических прав, между тем здесь же автор идентифицирует это право как личное, поскольку оно осуществляется в результате личных усилий индивидов (Безруков 2015).

Концепт «политические права» сам по себе не является четким и однозначным. Так, в специальной литературе к политическим правам, помимо избирательных прав, права на референдум, на участие в делах государства и т. п., относят свободу слова, право на объединение, на информацию и др. Однако очевидно, что право на объединение может заключаться в создании профсоюзов, а право на информацию предполагает доступность для человека самых разнообразных сведений.

Данная классификация основных прав, как отмечал М. В. Баглай, «в достаточной мере условна, поскольку отдельные права по своему характеру могут быть отнесены к разным группам. Например, свобода слова в равной мере может быть отнесена как к личным, так и к политическим правам» (Баглай 2002, 116).

Действительно, большинство прав, которые различные ученые идентифицируют как политические могут быть относительно легко «переквалифицированы» в группу именно личных прав: свобода слова, свобода объединений, право на информацию, право петиций и др.

Недоразумение это связано с тем, что следует разграничивать (как делал, например, Г. Еллинек) те субъективные публичные права, которые принадлежат человеку в силу его интегрированности в политическую систему общества, и те, которые принадлежат ему как субъекту, актору политической деятельности.

По нашему мнению, наименования «политические», «социальные» или «культурные» в отношении прав человека в целом не вполне удачны, поскольку создают иллюзию существования «не политических» или «не социальных» и т. п. прав и свобод. В отношении же «политических прав» заметим, что все без исключения субъективные публичные права, адресатом которых выступает государство (а именно они определяют деятельность законодательной и исполнительной власти) и которые реализуются в публично властных отношениях, носят политический характер.

Например, право на благоприятную окружающую среду как требование к государству принять необходимые меры для обеспечения надлежащего качества окружающей среды в широком смысле является политическим. Вместе с тем свобода слова, которую традиционно идентифицируют как политическое право, распространяется не только на высказывания политического характера, ведь в ходе митинга или демонстрации могут выдвигаться совсем не политические требования. «Свобода мысли и слова в полной мере не относится к политическим правам, так как включает в себя совокупность отношений, которые могут и не носить политического характера. Аналогичная ситуация с правом на объединение: не все объединения ставят своей целью участие в политической жизни страны» (Мецгер 2019, 50).

Представляется, что необходимо разграничивать права человека в социально-политической сфере (политические права в широком смысле этого слова)

и собственно политические права. Подобное разграничение можно встретить еще в работах Б. А. Кистяковского, который выделял «политические свободы, гарантируемые конституцией» (свобода совести, свобода слова, свобода печати, свобода собраний и т. п.) и «собственно политические права», или право на политическое участие («права личности на участие в организации государства и в направлении его деятельности») (Кистяковский 1998, 541–542). Основным политическим правом в узком смысле слова он называл избирательное право в обоих его видах — и активное, и пассивное. «Оно обеспечивает каждому возможность влиять на тот или другой состав народного представительства, а через него на всю законодательную и правительственную деятельность государства» (Кистяковский 1998, 542). Наряду с этим основным политическим правом, по мнению Б. А. Кистяковского, можно выделять и иные права (право на занятие должностей, право на участие в отправлении правосудия, а также право петиций), но все эти права имеют второстепенное значение, носят вспомогательный характер.

Сходную точку зрения высказывал Б. Н. Чичерин: «Права граждан в отношении к государственной власти могут быть сведены к двум категориям: 1) личные права, которые принадлежат гражданам как отдельным лицам, подчиненным государственной власти; ими определяется отношение личной свободы к власти; 2) политические права, принадлежащие гражданам как участникам власти» (Чичерин 1894, 127).

Различие между собственно политическими правами и субъективными публичными правами в политической сфере отметил Я. М. Магазинер, который предлагал разграничивать политические и «лично-публичные» права. В отличие от политических, лично-публичные права «обеспечивают гражданину не право на осуществление государственной власти, а право на надлежащее отношение к нему государственной власти» (Магазинер 2006, 191). Вслед за Г. Еллинеком, Я. М. Магазинер относил к лично-публичным правам и свободы «от государства» или «невторжения государства в жизнь гражданина»: права внутренней свободы (например, в области совести); свободы внешнего самоопределения (например, в выборе занятий или оседлости); права общения с другими (например, право союзов или стачек).

Полагаем, что права те авторы, которые рассматривают в качестве обобщенной характеристики политических прав «право на власть»: «Сфера реализации данного вида прав предусматривает непосредственное соприкосновение с властью с одной стороны, человек или гражданин с помощью этих прав может получить власть, а с другой стороны, другие люди могут контролировать границы реализации этой власти» (Садиков 2009, 124).

2. Основное исследование

2.1. *Право на участие во власти*

Понимание политических прав в широком и узком смысле слова находит отражение в современной научной литературе среди ученых, занимающихся проблематикой прав и свобод человека. Так, Е. А. Лукашева в качестве стержневого элемента политических прав называет право на участие в делах государства, «которое

юридически обеспечивает включение граждан в сферу принятия и осуществления государственных решений, в сферу политики» (Лукашева 2004, 153). Конкретные права, посредством которых обеспечивается включенность гражданина в политическую сферу (право избирать и быть избранным, право участвовать в референдуме, право на равный доступ к государственной службе и т.п.), она характеризует как гарантии и одновременно формы реализации этого основного политического права. Вместе с тем Е. А. Лукашева помещает в блок политических прав свободу слова, печати, право петиций, право на объединение, свободу собраний и др.

Можно всецело согласиться с тем, что право на участие в делах государства действительно представляет собой максимально емкое и полное обозначение любых политических притязаний человека, которые конкретизируются в виде отдельных субъективных прав в зависимости от формы подобного участия. Однако свобода слова, объединения, собраний и т.п. в собственном смысле политическими правами не являются, представляя собой «сопутствующие» права.

Уделивший много внимания исследованию именно политических прав А. А. Златопольский отмечает, что система политических прав включает в себя две подсистемы: 1) правомочия, образующие в совокупности право на участие в политической сфере (избирательные права, право на участие в референдуме и т.п.); 2) субъективные публичные права, целью реализации которых является активное участие индивида в жизни общества (свобода слова, союзов, собраний и т.п.). Ссылаясь на Г. Еллинека и Б. А. Кистяковского, он обращает особое внимание, что именно «право на участие» представляет собой «собственно политическое право» (Златопольский 2006, 57–58).

Кстати, А. А. Златопольский не рассматривает гарантированное Конституцией РФ «право участвовать в управлении делами государства» в качестве субъективного публичного права, поскольку, по его мнению, оно лишено собственных правомочий: «Если предположить гипотетическую ситуацию, когда граждане будут лишены всех политических прав и свобод, за исключением лишь права на участие в управлении государственными и общественными делами, то и тогда данное право будет декларативным и не сможет быть реализовано в связи с отсутствием конкретных правомочий по участию в управлении» (Златопольский 2006, 61). Поэтому он рассматривает указанное положение конституции не в смысле субъективного права, а как основополагающий принцип взаимоотношения между демократическим государством и его гражданами.

Сходную позицию занимает В. В. Комарова, которая обосновывает свое восприятие данной нормы («участие в делах государства») в качестве правового принципа тем, что ее объем правового регулирования «выходит далеко за рамки обычного субъективного права, вторгаясь в пределы действия других политических прав и свобод граждан: права избирать, участвовать в референдуме и многих других» (Комарова 2008, 64).

Таким образом, закрепленное Конституцией РФ¹ (ст. 32) право на участие в делах государства или ничего не говорит о своем содержании (А. А. Златопольский), или говорит слишком много (В. В. Комарова) для того, чтобы быть субъективным правом.

¹ Здесь и далее все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 10 декабря, 2021. <http://www.consultant.ru>.

В докторской диссертации, посвященной участию граждан в управлении делами государства, М. А. Липчанская отмечает, что «общим признаком форм участия граждан в управлении делами государства является наличие так называемого социального эффекта, заключающегося в наступлении изменений, более или менее значимых для социума в целом, и представляющего собой отличительное свойство конституционных прав, обеспечивающих участие граждан в управлении делами государства» (Липчанская 2012, 97). Собственно, неопределенность в понимании этого социального эффекта и отличает данное конституционное право от классических прав — форм участия во власти (избирательные права, право на участие в референдуме и др.).

С этим же связано появление различных «форм» участия граждан в делах государства, которые носят, по сути, имитационный характер, но не направлены на обеспечение реального участия во власти (Велиева, Пресняков 2019). Анализируя различные формы «консультативного народовластия», В. В. Комарова высказывает пожелание законодателю соизмерять затраты на их организацию и проведение (организационные, финансовые и т. п.) и их результат: «Несмотря на то что эта группа форм непосредственной демократии не призвана выполнять конституционный императив о единственном источнике власти и носителе суверенитета, тем не менее даже во исполнение их результатов должны быть закреплены обязанности органов соответствующего уровня публичной власти по доведению до сведения, публикации результатов использования предложений, высказанных в процессе их реализации» (Комарова 2010, 5). От себя добавим, что подобные консультативные формы народовластия зачастую изначально программируются как нерезультативные, задача которых состоит не в реализации политических прав граждан, а в легитимации принимаемых властью политических решений.

Таким образом, участие в делах государства хотя и названо в Конституции РФ (ст. 32) в качестве права, вряд ли может претендовать на роль субъективного публичного права. Во-первых, оно мало представимо в отрыве от конкретных форм своей реализации, которые, в свою очередь, образуют иные политические права (избирать и быть избранным, право на участие в референдуме и т. п.). Во-вторых, право на участие не обладает собственной юстициальностью: невозможно только на основании данной конституционной нормы обратиться в соответствующий судебный орган за его защитой. Даже на основе принятой сейчас эволютивной концепции толкования прав и свобод человека ни национальные органы конституционного контроля, ни межгосударственные органы по правам человека будут не в состоянии осуществлять защиту этого права в собственном смысле, т. е. безотносительно к классическим избирательным правам или праву на участие в референдуме.

Вместе с тем подобная неопределенность содержания указанного права вовсе не означает, что у государств отсутствует обязанность принимать меры по обеспечению участия населения в решении публично значимых вопросов. Другое дело, что такая обязанность носит характер позитивной ответственности власти за обеспечение демократических процедур управления делами государства и является одним из направлений внутренней политики. Полагаем, что описанное понимание действительно позволяет охарактеризовать «участие в делах государства» как политико-правовой принцип.

2.2. Трансформация классических политических прав

Классические политические права, обеспечивающие непосредственное участие граждан во власти и обладающие необходимой юстициальностью для их защиты первоначально (права первого поколения), формировались как индивидуальные правопритязания, например право избирать и быть избранным. Однако, несмотря на то что и в современных конституциях, и в международных документах о правах человека их определения не изменились или мало изменились, действительное понимание содержания указанных прав сейчас вышло далеко за пределы их нормативных конструкций.

Выделяя данные субъективные публичные права как элемент *status activus* (лат. активного статуса), Г. Еллинек полагал, что, в сущности, они предполагают право личности «на признание ее органом государства». Еллинек разграничивал избирательное право как индивидуальное правопритязание и как публичную функцию государства. Первое касается только допуска к акту избрания — выступает «притязанием на признание», а после избрания деятельность личности «в качестве органа государства» превращается в «политическую функцию». Даже сам акт избрания не охватывается этим субъективным публичным правом, а представляет собой уже политическое действие власти: «Само участие в выборах также есть деятельность для государства, т. е. деятельность в качестве органа». Эта точка зрения исходит из концепции переноса воли народа на избранного им представителя, после чего «юридически оба должны быть рассматриваемы как одно лицо» (Еллинек 1903, 375–376). В дореволюционной России такую точку зрения последовательно развивал Б. Н. Чичерин, который также полагал, что «воля граждан всецело переносится на представителя; за ними не остается ничего, кроме голого выбора» (Чичерин 1866, 4).

С этой позиции активное и пассивное избирательное право обладает только формальной определенностью, не предполагая какого-либо социального эффекта, т. е. материального результата его реализации, «возможности пользоваться на основе данного права определенным социальным благом» (Матузов 2003, 84). Оно обеспечивает возможность участия в формировании власти, но не право на участие во власти.

Если же понимать право на участие во власти аутентично, то оказывается, что оно гораздо шире по своему содержанию, чем, безусловно, входящие в состав его правомочий, индивидуальные права граждан избирать и быть избранными. Это право, помимо формального участия в формировании органов власти, предполагает достижение конечного результата — адекватного представительства во власти различных социальных групп и слоев общества или, как говорится в специальной литературе, права на народное представительство (Астафичев 2005).

Еще Н. М. Коркунов писал, что для обеспечения действительных результатов народного представительства «надо, чтобы исход выборов не искажался искусственно самой организацией выборов» (Коркунов 1904, 394). Далее он буквально математически (!) показывает некоторые возможности избирательных манипуляций, даже при условии честных выборов.

Обосновывая идею «неартикулированного» в Основном Законе права на народное представительство, П. А. Астафичев отмечает: «При буквальном истолкова-

нии ст. 32 Конституции РФ можно сформулировать ошибочный вывод, что народный суверенитет выражается лишь в праве граждан голосовать на выборах и референдумах, выдвигать свои кандидатуры, а также иным образом «участвовать» в государственной деятельности» (Астафичев 2005, 8). По его мнению, подобный вывод и подобный же подход к пониманию конституционной концепции власти народа не вполне согласуется с положениями ст. 3 Конституции РФ, согласно которой носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

В связи с этим П. А. Астафичев подчеркивает, что концепция народного суверенитета и власти народа, заложенная в ст. 3 Основного Закона, предполагает конституционное право на народное представительство, которое принадлежит не отдельным гражданам или их объединениям, а народу в целом: «Исходя из концепции народного суверенитета, можно выделить субъективные права народа на: 1) прямое волеизъявление (референдум, выборы, отзыв); 2) народное представительство; 3) неимперативное участие в политической жизни (митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и т. п.)» (Астафичев 2005, 8). С тем чтобы показать отличие права на народное представительство от избирательных прав и права на участие в делах государства, П. А. Астафичев приводит остроумную иллюстрацию: «Нахождение людей в очереди в магазине еще не означает, что эти граждане производят коллективную закупку товара» (Астафичев 2005, 10).

Проводимая П. А. Астафичевым демаркация между индивидуальным правом избирать и быть избранным и коллективным правом на народное представительство может быть сформулирована как различие между формальной и реальной демократией. Формальная демократия заключается в том, «чтобы в урны бросить бюллетени», а ее требования сводятся к обеспечению определенных правил игры: равенство кандидатов, честный подсчет голосов, правила агитации и т. п. Иными словами, в ее основе находится убеждение, что самого по себе наличия процедурных правил реализации избирательных прав вполне достаточно для демократических выборов.

Реальная демократия предполагает, что действительной целью избирательного процесса выступает не определение кандидата, который победил в предвыборной гонке, на основе формальных правил, а выявление действительной воли народа при принятии того или иного политического решения. Для этого могут использоваться различные механизмы обеспечения аутентичности народного волеизъявления, например установление порога явки избирателей, при недостижении которого реализация гражданами активного избирательного права уже не может рассматриваться как волеизъявление народа в целом.

2.3. Ограниченность концепции народного представительства и учредительная власть

Формирование представительной власти — один из маркеров демократического государства и одновременно важнейший институт реализации политических прав его граждан, однако даже при наличии самых адекватных и аутентичных механизмов реализации права на народное представительство такая власть не принадлежит народу в полной мере. В этом плане Г. Еллинек был совершенно прав,

когда полагал, что реализация населением своих политических прав заканчивается актом избрания, после чего избранный народный представитель становится элементом политического института власти (Еллинек 1903). Самые демократические, честные, народные и т. п. выборы всегда представляют собой процесс отчуждения власти от народа и перенос ее на сформированную политическую элиту. Понятие «отчуждение власти» в этом контексте не несет никакого негативного смысла, поскольку данный акт является естественным и выражает саму суть народного представительства, т. е. переноса воли народа на его представителей в политическом органе власти.

Между тем неправильно отрицать, что подобного рода перенос представляет собой фикцию. Еще К. М. Тахтарев отмечал: «Юридическая фикция, будто каждый член парламента есть представитель всего народа, противоречит не только фактически существующему представительству интересов, но и самому существованию парламентских фракций. Более того, она противоречит и установившемуся понятию о самом представительном образе правления как об организованном господстве той или иной партии, находящейся у власти» (Тахтарев 1907, 32–33). В этом смысле символично, что на смену «народным депутатам» (Конституция СССР 1977 г.) пришли «депутаты Государственной Думы» (Конституция РФ 1993 г.) — последнее понятие более точно отражает суть народного представительства в парламенте, подчеркивая ассоциацию представителя не с избравшим его народом, а с политическим органом, в котором он осуществляет свою политическую функцию.

Повторим: подобный переход власти из рук народа к политической и административной элите является вполне естественным и демократически допустимым, представляя собой, по сути, реализацию учредительной власти народа. В специальной литературе, посвященной проблемам конституционного права, обосновано понятие избирательной власти как формы реализации власти народа, ее трансформации в государственную власть и одновременно как самостоятельного вида власти, одного из элементов института разделения властей. В сущности, избирательная власть рассматривается здесь как один из видов учредительной власти.

Детальный и научно обоснованный анализ учредительной власти, различных ее форм и видов, а также соотношение с иными видами политической власти, в том числе с избирательной властью, содержится в работах В. В. Комаровой, которая приходит к выводу, что «содержание избирательной власти поглощается содержанием учредительной власти. Понятие учредительной власти, ее полномочия, виды и формы осуществления гораздо шире избирательной власти, задача которой сформировать представительный орган». С этим вводом можно согласиться, однако далее автор высказывает свою принципиальную позицию, согласно которой «классическая теория разделения властей относится к государственной власти, а к учредительной власти — нет. Учредительная власть является основой для публичной власти» (Комарова 2013, 1381). Здесь возникает вопрос актуального присутствия «учредительной власти» на политической арене в «межсезонье», т. е. вне избирательных кампаний.

Иными словами, ограничивается ли реализация воли народа (и его политических прав) процессом формирования государственной власти (концепция трансформации учредительной власти в политическую), после чего учредительная власть «удаляется за кулисы»? Если это так, то и принцип разделения властей

действительно не имеет никакого отношения к учредительной власти, поскольку она участвует в государственном механизме исключительно опосредованно (через иные властные институты и органы).

Представляется, что именно такое понимание учредительной власти (власти народа) характерно для существующей политической ситуации в России (не в доктрине, а в политической практике). В доктрине более распространена идея «незримого присутствия» учредительной власти за спиной власти государственной, но, как правило, это касается вопросов изменения или пересмотра Основного Закона. Так, М. П. Фомиченко пишет: «Как принятие конституции, так и ее последующие изменения осуществляются определенной властью. Эту власть называют учредительной, так как она учреждает конституцию в условиях, когда высшие органы государственной власти еще не сформированы» (Фомиченко 2011, 96).

Такой подход характерен не только для российской правовой доктрины. Профессор Страсбургского университета Ж.-П. Жакке называет учредительной властью «совокупность органов, на обязанности которых лежит разработка и пересмотр конституции». При этом он выделяет первоначальную учредительную власть, которая принимает Основной Закон государства в отсутствие юридического правопорядка для этого действия и основывается на политическом правопорядке (Жакке 2002). Эту учредительную власть он характеризует как «безусловную», «власть факта», неинституциональную власть, легитимность которой зависит от «успеха революции». Первоначальная учредительная власть с принятием конституции уходит и освобождает место институциональной учредительной власти, которая действует уже в рамках юридического правопорядка, установленного Основным Законом.

Подобной позиции в отечественной юридической науке придерживался М. В. Баглай, который отмечал, что первоначальная учредительная власть «персонифицируется теми людьми или группами людей, которые оказались у власти в результате какого-то общественного потрясения или кризиса» (Баглай 2002, 776). Эти «люди или группы людей» представляют разработанную ими конституцию на утверждение народа через учредительное собрание или референдум, причем в любом случае, поскольку юридический правопорядок для подобной процедуры пока еще отсутствует, правовой результат определяется «по абстрактным демократическим представлениям». В качестве примера он приводит принятие действующей Конституции РФ 1993 г.: «Б. Н. Ельцин... по действовавшей до 1993 г. Конституции не имел правомочия на принятие новой Конституции (такое право было закреплено за Съездом народных депутатов), но сумел найти демократическую процедуру для выхода из конституционного кризиса (Конституционное совещание) и через референдум получил одобрение народом новой Конституции РФ» (Баглай 2002, 776).

По-видимому, именно право на легитимный правопорядок в соответствии с «абстрактными демократическими представлениями» и является основным и неотъемлемым политическим правом, которое носит естественно-правовую природу. Данное право имеет выраженный коллективный характер, поскольку единственным его обладателем выступает народ.

Исторически первая форма такого права — «право на восстание», которое ранее не только широко применялось в философско-правовой литературе, но и непосредственно закреплялось в юридических документах. В ст. 35 Конституции

Франции 1793 г. восстание против угнетения называлось «священнейшим правом и неотложнейшей обязанностью» народа².

2.4. Право на восстание: легальность и легитимность

В современной литературе о праве на восстание (праве на сопротивление, праве на революцию) высказываются, как правило, очень осторожные мнения: от полного неприятия и отрицания данного права до признания его «устаревшим» и неактуальным. В немалой степени это связано с украинским майданом, цветными революциями в постсоветских странах и т. п.

Так, В. В. Красинский приводит ряд аргументов против права на восстание, причем два из них сводятся к отсутствию позитивного закрепления данного права как в международных актах, так и в национальных конституциях. Автор особо подчеркивает, что в национальном законодательстве право на восстание прямо запрещается (Красинский 2006). В. В. Никитаев в примечательно названной работе «О мнимом “конституционном праве народа на восстание” (мифы майдана)» также утверждает, что никакого права на восстание нет, а есть лишь право на сопротивление, причем в целях защиты конституционного строя (Никитаев 2016).

Вполне естественно, что действующее законодательство не только не провозглашает право на восстание, но и прямо запрещает его: институционализируемая власть должна располагать определенными средствами защиты от попыток ее низложения. Поэтому и в Конституции РФ содержится норма, согласно которой «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону» (ст. 3). Правда, это та же самая статья, где говорится, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Поэтому народное восстание не может быть квалифицировано как «захват власти», поскольку последняя и так принадлежит народу — меняются лишь представители, органы власти или даже сами принципы ее организации. Конечно, существует еще и уголовное законодательство, предусматривающее ответственность не только за свержение существующей власти, но и даже за публичные призывы к этому.

Однако наличие подобных механизмов самозащиты власти ничего не меняет в отношении существования права народа на восстание, если иметь ввиду естественный характер данного права, а что может быть более естественным, чем передача собственной власти в руки другому представителю или на иных условиях (принципах организации власти). В этом смысле интересен другой аргумент В. В. Красинского, касающийся неактуальности права на восстание в современном демократическом государстве: «Всеобщее избирательное право, активная деятельность политических партий и профсоюзов, рост благосостояния населения повлекли за собой необходимость более широкого использования правовых механизмов регулирования социальных противоречий» (Красинский 2006, 22). Действительно, демократические механизмы реализации политических прав народа в определенной степени выступают политической альтернативой праву на восстание.

² Acte constitutionnel du 24 juin 1793. Дата обращения 5 декабря, 2021. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1793.htm>.

Если же говорить о поставленной проблеме, связанной с определенностью содержания политических прав, то применительно к праву на восстание мы приходим к знаменитой «формуле Радбруха»: «Конфликт между справедливостью и правовой стабильностью мог бы быть разрешен в том смысле, что позитивное и обеспеченное властной санкцией право имеет приоритет даже тогда, когда оно несправедливо и нецелесообразно. Исключения составляют лишь ситуации, когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как “несправедливое право” отрицает справедливость» (Радбрух 2004, 233–234).

Пытаясь определить «граничные условия» права на восстание, современные авторы, как правило, заняты вопросом о веских причинах смены власти. Так, В. В. Красинский, отмечая невостребованность данного права в большинстве развитых демократических государств, все же допускает его реализацию в крайних случаях, в связи «только с проведением политических репрессий или политики геноцида населения, а также с захватом государства или части его территории другим государством (военно-политическим блоком)» (Красинский 2006, 22). Известный российский конституционалист А. А. Кондрашев, комментируя эту точку зрения, отмечает: «В современных условиях использование народом права на сопротивление (права на восстание) допустимо не только в случае геноцида или политических репрессий, но и в случае тотальной коррупции в органах власти, запрета политической конкуренции, фальсификации избирательных процедур, избыточного применения насилия при разгоне публичных мероприятий, а также при введении массовых и необоснованных ограничений прав и свобод граждан» (Кондрашев 2014, 174). А. Эрделевский, анализируя возможные критерии правомерности подавленного восстания (в том числе опираясь на международно-правовые акты), называет три условия, при которых суд мог бы принять такое решение: наличие в государстве тирании и угнетения; наличие правомерной цели — устранения тирании и угнетения; отсутствие легальных способов добиться этой цели (Эрделевский 2005).

Полагаем, все эти рассуждения представляют собой попытки конкретизации применительно к праву на восстание приведенной выше «формулы Радбруха». Между тем Г. Радбрух рассматривал ситуацию вопиющего противоречия между неправовым законом и правом как требованием справедливости как основание для индивидуального неподчинения такому закону, например со стороны судьи и т. п., своего рода индивидуальное право на сопротивление. Но этот критерий утрачивает смысл, если иметь в виду право народа на восстание или сопротивление: поскольку народ является сувереном, т. е. единственным источником и в полном смысле обладателем власти, то никакие временные доверенности на управление государством не могут воспрепятствовать ему передать эту власть в другие руки или образовать новые институциональные формы такой власти.

В этом смысле мы полагаем правильной точку зрения В. В. Комаровой: «Если установленный режим в целом не соответствует желаниям и надеждам народа, если воля и интересы правителей противоречат воле и интересам народа, то последний волен забрать у государства принадлежащую ему изначально государственную власть и направить ее для установления нового типа правления или нового персонального состава прежних государственных структур. Такая возможность реализуется через право народа на восстание» (Комарова 2006, 23).

Власть несет перед народом не только юридическую ответственность (например, обязанность возместить вред, причиненный ее органами и должностными лицами), но и политическую (подобно той, что в нашей стране несут федеральные министры перед главой правительства и главой государства), и народ не обязан заботиться поиском «веских причин» для смены власти.

Проблема неопределенности реализации данного права кроется не в причине, заставляющей выступить с требованием свержения существующей власти, а в аутентичности субъекта — носителя такого права. Безусловно, таким субъектом может быть только народ как единое целое. Однако различного рода перевороты, восстания и революции совершаются не народом, а в лучшем случае «от имени народа»: как мы можем быть уверены, что народ, чьим именем осуществляется государственный переворот, разделяет политические цели тех людей или социальных групп, которые участвуют в этом политическом событии? Даже если такой переворот совершается не в высоких кабинетах, а непосредственно на улицах, — это еще не показатель воли именно народа.

«Успех революции» (Ж.-П. Жакке) вряд ли может считаться здесь надежным критерием, поскольку, как известно, «на штыки можно опираться, но сидеть на них нельзя». Здесь стоит вернуться к процитированному выше мнению М. В. Баглая и общей оценке им ситуации 1993 г.: необходимо найти такие «абстрактные демократические представления» (а других в отсутствие действующего правопорядка и нет) и адекватные им процедуры, чтобы принятое политическое решение стало легитимным, санкционированным народом (Баглай 2002).

Таким образом, естественное политическое право народа на восстание приобретает характеристику именно «права», а не голой политической возможности только при условии легитимности принятого решения. Причем речь идет именно о политическом решении, а не о самом восстании или перевороте, который всегда осуществляется не народом, а различными партиями и социальными группами. Поэтому термин «право на восстание» кажется нам устаревшим и неудачным для сегодняшних реалий, поскольку восстание само по себе не может являться объектом данного права народа. Таким объектом выступает определенный желаемый правопорядок, для установления которого и необходимо восстание; последнее же — лишь средство для достижения этой цели. На наш взгляд, следует вести речь о естественном праве народа на легитимный правопорядок.

К проблеме легитимности революции, права на восстание обращался Н. С. Розов, предлагая (среди прочих) классификацию легитимности по признаку оснований, которая наиболее близка именно юристам (Розов 2014, 26). Согласно этой типологии можно выделить «легитимность де-факто», которая обоснована «давностью правления» при отсутствии протеста со стороны народа (мятежей, войн, геноцида). Так, по его мнению, получают международное признание самопровозглашенные государства. Кроме того, допустимо говорить о «правовой легитимности де-юре», обусловленной определенными юридическими механизмами, которую Н. С. Розов предлагает подразделять на два вида: формально-нормативную легальность и общеправовую легитимность. Первая характеризуется соблюдением формально-юридических механизмов передачи власти и соотносима с позитивным правом (т. е. демократические выборы референдум и т. п.); вторая предполагает «признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответ-

ствия способа их вхождения во власть неким абстрактным правовым принципам, а также духу конституции страны, основополагающих документов современного международного права» (Розов 2014, 26). Этот тип, или вид, легитимности ученый соотносит с естественным правом. В качестве примера конфликта легальности и правовой легитимности Н. С. Розов приводит положение дел в фашистской Германии, которое завершилось окончательной победой легитимности в рамках Нюрнбергского процесса.

Кризис формально-правовой легальности выражается в том, что власть начинает нарушать собственные законы, что приводит к разрыву между легальностью и легитимностью, и тем самым делегитимирует себя. Полагаем, здесь может идти речь не только о прямом нарушении законов, но и о подмене основополагающих принципов народовластия имитационными позитивно-правовыми моделями, т. е., по сути, о разрыве между естественным правом народа на власть и позитивной моделью передачи и осуществления власти. В такой ситуации, по мнению Н. С. Розова, у народа возникает право на восстание, которое обусловлено высокой степенью легитимности революции, с одной стороны, и делегитимацией существующей власти — с другой.

3. Выводы

Таким образом, выделяемая в научной литературе сфера прав, которые можно отнести к политическим, страдает неоднородностью и эклектичностью, включая в себя «вспомогательные» свободы, которые могут лишь обеспечивать реализацию политических прав (свобода слова, свобода собраний и т. п.). Однако остается вопрос о сущности политических прав и особенно о естественно-правовой природе таких прав. По нашему мнению, естественным и основополагающим политическим правом является право на легитимный правопорядок, которое необходимо отличать от права на восстание.

Как представляется, бунт, восстание или революция никогда не бывают всецело легитимными, поскольку осуществляются не народом в полном смысле слова, а гегемоном в лице тех или иных социальных групп. Даже «успешный мятеж» для обретения учредительной силы нуждается в последующем санкционировании со стороны народа в целом, что и осуществляется на основе тех или иных процедур общеправовой легитимации, например, выражающихся в подготовке и всенародном принятии на референдуме Основного Закона страны или проведении всенародных выборов и т. п.

Библиография

- Астафичев, Павел А. 2005. «Право граждан на представительство в органах публичной власти». *Конституционное и муниципальное право* 3: 8–14.
- Баглай, Марат В. 2002. *Конституционное право Российской Федерации*. М.: Норма.
- Безруков, Андрей В. 2015. *Конституционное право России*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ.
- Велиева, Джамиля С., Михаил В. Пресняков. 2019. «Народная законодательная инициатива в контексте права на участие в управлении делами государства: проблемы содержательной определенности». *Взаимодействие власти, бизнеса и общества в осуществлении общественного*

- контроля: материалы XII Международной научно-практической конференции, 52–57. Саратов: Саратовский источник.
- Витрук, Николай В. 2008. *Общая теория правового положения личности*. М.: Норма.
- Высоцкий, Владимир С. 1973. *Баллада о маленьком человеке*. Дата обращения 12 декабря, 2021. http://www.shansonprofi.ru/person/vysockii/lyrics/vysockii_ballada_o_malenkom_cheloveke.html.
- Еллинек, Георг. 1903. *Право современного государства*. Пер. с нем. СПб.: Общественная польза.
- Жакке, Жан-Поль. 2002. *Конституционное право и политические институты*. Пер. с фр. М.: Юрист.
- Златопольский, Антон А. 2006. «Политические права и свободы граждан и механизм их реализации в РФ». Дис. ... канд. юрид. наук, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина.
- Кистяковский, Богдан А. 1998. «Государственное право (общее и русское)». *Философия и социология права*, изд. подгот. Юрий Н. Давыдов, Вадим В. Сапов, 417–570. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт.
- Комарова, Валентина В. 2006. *Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры)*. М.: Формула права.
- Комарова, Валентина В. 2008. «Конституционное закрепление механизма народовластия (некоторые вопросы)». *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Юридические науки* 1 (1): 63–67.
- Комарова, Валентина В. 2010. «Эффективность консультативных форм прямого народовластия». *Конституционное и муниципальное право* 2: 2–5.
- Комарова, Валентина В. 2013. «Учредительная власть и основной закон». *Lex Russica* 12: 1374–1382.
- Кондрашев, Андрей А. 2014. «Конституционно-правовые аспекты реализации народом конституционного права на сопротивление». *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук* 14 (2): 170–182.
- Коркунов, Николай М. 1904. *Русское государственное право*. В 2 т. Т. 1: *Введение и общая часть*. 5-е изд. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича.
- Красинский, Владислав В. 2006. «О праве народа на восстание». *Военно-юридический журнал* 4: 21–23.
- Липчанская, Мария А. 2012. «Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: конституционно-правовое исследование». Дис. ... д-ра юрид. наук, Саратовский государственный университет.
- Лукашева, Елена А., ред. 2004. *Права человека*. М.: Норма.
- Магазинер, Яков М. 2006. «Общая теория права на основе советского законодательства». Магазинер, Яков М. *Избранные труды по общей теории права*, отв. ред. Андрей К. Кравцов, 17–352. СПб.: Юридический центр Пресс.
- Матузов, Николай И. 2003. *Актуальные проблемы теории права*. Саратов: Саратовская государственная академия права.
- Мецгер, Андрей А. 2019. «Содержание отдельных личных прав и свобод человека и гражданина (на примере политических прав)». *Международный журнал конституционного и государственного права* 4: 49–51.
- Никитаев, Владимир В. 2016. «О мнимом “конституционном праве народа на восстание” (мифы майдана)». *Московская школа конфликтологии*. Дата обращения 11 апреля, 2020. <http://conflictmanagement.ru/o-mnimom-konstitutsionnom-prave-naroda-na-vosstanie>.
- Радбрух, Густав. 2004. *Философия права*. Пер. с нем. М.: Международные отношения.
- Розов, Николай С. 2014. «Может ли революция быть легитимной?» *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия* 12 (3): 25–31.
- Садиков, Александр А. 2009. «Реализация политических прав и свобод человека в современной России (проблемы и пути оптимизации)». Дис. ... канд. полит. наук, Московский государственный областной университет.
- Тахтарев, Константин М. 1907. *От представительства к народовластию*. СПб.: Издание Библиотеки обществознания.
- Терехин, Виктор А., Вадим Б. Вершинин. 2010. «Особенности судебной защиты прав, свобод и законных интересов личности». *Российский судья* 3: 37–40.

- Фомиченко, Михаил П. 2011. «Учредительная власть: понятие, разновидности». *Правовая культура* 2 (11): 96–97.
- Чичерин, Борис Н. 1866. *О народном представительстве*. М.: Товарищество И. Д. Сытина.
- Чичерин, Борис Н. 1894. *Курс государственной науки*. Т. I–III. М.: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко. Дата обращения 14 апреля, 2020. <https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892>.
- Эрделевский, Александр. 2005. «Право на восстание». *Домашний адвокат* 5. Дата обращения 14 апреля, 2020. <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1231872>.

Статья поступила в редакцию 3 июня 2020 г.;
рекомендована к печати 15 марта 2022 г.

Контактная информация:

Пресняков Михаил Вячеславович — д-р юрид. наук, проф.; presnykov1972@yandex.ru

Political rights and freedoms: Problems of content certainty*

M. V. Presnyakov

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin,
164, ul. Moskovskaya, Saratov, 410012, Russian Federation

For citation: Presnyakov, Mikhail V. 2022. “Political rights and freedoms: Problems of content certainty”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 547–564. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.216> (In Russian)

The concept of “political rights” of a person and a citizen, widely used today, is in fact far from certain, both in terms of the specific rights that it is generally customary to include in its content and in terms of the specific powers that would constitute the content of these rights. In this regard, this article analyses political rights themselves, which the author finds necessary to distinguish from human rights in the socio-political sphere. The latter include freedom of assembly, the right to petition, freedom of speech, the right to unite, etc. Considerable attention is paid to the substantive characteristics of political rights: thus, the author concludes that “participation in state affairs” although it is named as a right in the Constitution of the Russian Federation, cannot claim the role of real and current subjective public law. Transformations of classical political rights ensuring the participation of citizens in power in modern political and legal discourse are analyzed. The problematic aspects of the concept of national representation and constituent power are considered. The author concludes that even with the most adequate and authentic mechanisms for the exercise of the right to popular representation, such power never belongs fully to the people. The article justifies that the natural political right is the right to revolt (“the right to resistance”, “the right to revolution”). The natural political right of the people “to revolt” acquires the characteristic of precisely “right”, and not a bare political opportunity only if there are institutions of legitimization and subsequent legalization. As a result, the right at the present stage would be better described as the right to a legitimate rule of law.

Keywords: political rights, list of rights, certainty of content, participate in power, right to resist, legitimization of power.

* The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 19-011-00418 “Constitutional principle of legal certainty in the mechanism for the realization of human rights and freedoms”, supported by the Russian Foundation for Basic Research.

References

- Astafichev, Pavel A. 2005. "Right of citizens to representation in public authorities". *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* 3: 8–14. (In Russian)
- Baglai, Marat V. 2002. *Constitutional Law of the Russian Federation*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Bezrukov, Andrei V. 2015. *Constitutional law of Russia*. 3rd ed., redesigned and extended. Moscow, Iustitsin-form Publ. (In Russian)
- Chicherin, Boris N. 1866. *On the representation of the people*. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina Publ. (In Russian)
- Chicherin, Boris N. 1894. *State science course*. Vols I–III. Moscow, Tipografiia tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko Publ. Accessed April 14, 2020. <https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892>. (In Russian)
- Erdelevskii, Aleksandr. 2005. "Right to revolt". *Domashnii advokat* 5. Accessed April 14, 2020. <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1231872>. (In Russian)
- Fomichenko, Mikhail P. 2011. "Constituent power: Concept, varieties". *Pravovaia kul'tura* 2 (11): 96–97. (In Russian)
- Jacquet, Jean Paul. 2002. *Constitutional law and political institutions*. Rus ed. Moscow, Iurist Publ. (In Russian)
- Jellinek, Georg. 1903. *The law of the modern state*. Rus ed. St Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ. (In Russian)
- Kistiakovskii, Bogdan A. 1998. "State law (general and Russian)". *Filosofia i sotsiologiia prava*, prepared by Iurii. N. Davydov, Vadim V. Sapov, 417–570. St Petersburg, Russkii khristianskii humanitarnyi institute Publ. (In Russian)
- Komarova, Valentina V. 2006. *Mechanism of direct democracy of modern Russia (system and procedures)*. Moscow, Formula prava Publ. (In Russian)
- Komarova, Valentina V. 2008. "Constitutional consolidation of the mechanism of people's power (some issues)". *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Iuridicheskie nauki* 1 (1): 63–67. (In Russian)
- Komarova, Valentina V. 2010. "Effectiveness of consultative forms of direct democracy". *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* 2: 2–5. (In Russian)
- Komarova, Valentina V. 2013. "Constituent power and basic law". *Lex Russica* 12: 1374–1382. (In Russian)
- Kondrashev, Andrei A. 2014. "Constitutional and legal aspects of the exercise by the people of the constitutional right to resistance". *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk* 14 (2): 170–182. (In Russian)
- Korkunov, Nikolai M. 1904. *Russian state law*. In 2 vols. Vol. 1: *Introduction and general part*. 5th ed. St Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha Publ. (In Russian)
- Krasinskii, Vladislav V. 2006. "On the right of the people to revolt". *Voенно-iuridicheskii zhurnal* 4: 21–23. (In Russian)
- Lipchanskaia, Mariia A. 2012. "Participation of citizens of the Russian Federation in the management of state affairs: Constitutional and legal research". Dr. Sci. diss., Saratovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
- Lukasheva, Elena A. ed. 2004. *Human rights*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Magaziner, Iakov M. 2006. "General theory of law based on Soviet legislation". Magaziner, Iakov M. *Izbrannye trudy po obshchei teorii prava*, ed. by Andrei. K. Kravtsov, 17–352. St Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press Publ. (In Russian)
- Matuzov, Nikolai I. 2003. *Topical problems of the theory of law*. Saratov, Saratovskaia gosudarstvennaia akademiia prava Publ. (In Russian)
- Metzger, Andrei A. 2019. "Content of individual human and civil rights and freedoms (using political rights as an example)". *Mezhdunarodnyi zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava* 4: 49–51. (In Russian)
- Nikitaev, Vladimir V. 2016. "On the imaginary 'constitutional right of the people to revolt' (myths of the Maidan)". *Moskovskaia shkola konfliktologii*. Accessed April 11, 2020. <http://conflictmanagement.ru/omnimom-konstitutsionnom-prave-naroda-na-vosstanie>. (In Russian)

- Radbruch, Gustav 2004. *Legal philosophy*. Rus ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Rozov, Nikolai S. 2014. "Can a revolution be legitimate?" *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofii* 12 (3): 25–31. (In Russian)
- Sadikov, Aleksandr A. 2009. "Realization of political human rights and freedoms in modern Russia (problems and ways of optimization)". PhD diss., Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet. (In Russian)
- Takhtarev, Konstantin M. 1907. *From representation to populism*. St Petersburg, Izdanie Biblioteki obshchestvoznaniia Publ. (In Russian)
- Terekhin, Viktor A., Vadim B. Vershinin. 2010. "Peculiarities of judicial protection of individual rights, freedoms and legitimate interests". *Rossiiskii sud'ia* 3: 37–40. (In Russian)
- Velieva, Dzhamilia S., Mikhail V. Presnyakov. 2019. "People's legislative initiative in the context of the right to participate in the management of state affairs: Problems of substantive certainty". *Vzaimodeistvie vlasti, biznesa i obshchestva v osushchestvlenii obshchestvennogo kontroli: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 52–57. Saratov, Saratovskii istochnik Publ. (In Russian)
- Vitruk, Nikolai V. 2008. *General theory of the legal position of the person*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Vysotsky, Vladimir S. 1973. *A ballad about a little man*. Accessed December 12, 2021. http://www.shanson-profi.ru/person/vysockii/lyrics/vysockii_ballada_o_malenkom_cheloveke.html.
- Zlatopol'skii, Anton A. 2006. "Political rights and freedoms of citizens and the mechanism for their implementation in the Russian Federation". PhD diss., Moskovskii gosudarstvennyi iuridicheskii universitet imeni O. E. Kutafina. (In Russian)

Received: June 3, 2020
Accepted: March 15, 2022

Author's information:

Mikhail V. Presnyakov — Dr. Sci. in Law, Professor; presnykov1972@yandex.ru